

УДК 947 (470.62)

ББК 63.3 (2Р37)

С 64

А.В. Сопов

Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества

Аннотация:

Статья посвящена формированию казачества. Казачество рассматривается как сложный феномен, обладающий качествами культурно-исторической общности, этноса, а также служилого сословия, формируемого государством для своих целей, и административно-территориального образования, социальной общности народов и сословий, проживающих на казачьих землях. В статье также, опираясь на известные источники, предпринята попытка классифицировать различные группы казачества.

Ключевые слова:

Казаки, казачество, этногенез, этнический состав, предшественники, предки, стадии формирования и развития, «протоказачество», «предказачество», вольные казаки, воровские казаки, служилые казаки, классификация.

“Казаки – сторожа и завоеватели окраин”. Такое определение давал крупнейший историк казачества Ф. Щербина. Он же писал: “Вопрос о происхождении казачества принадлежит к числу тех исторических задач, которые нельзя считать окончательно решенными. Не уяснены ни процессы образования первоначальных форм казачества, ни постепенный ход в их развитии, не установлены ни ближайшие причины, породившие их, ни степень их самостоятельности, не даны ответы на вопросы: кто были творцы этих форм, ставшие во главе своеобразного движения народной массы к автономии и политической свободе? Вопрос о зарождении казачества остается, поэтому, открытым. Только дальнейшая, заведомо известная жизнь казаков и предшествовавшие ей формы народопротства дают определенные указания по этому вопросу”¹.

Без сомнения, процесс складывания любой этнической группы² (этногенез) имеет стадийный характер. Вопрос о выделении стадий этногенеза казаков связан с определением их исторических предшественников и предков. Ранняя история казачества, первые этапы его формирования – все это до сих пор предмет дискуссий. Однако, пожалуй, уже можно твердо сказать, что начало истории казачества следует искать гораздо ранее XVI в. Южно-русские лесостепи, степное Предкавказье, Приазовье и Северное Причерноморье – районы, ставшие колыбелью казачества, – никогда не пустовали. Беглецы из московских и литовских «украин» уходили не в пустое место, в степях их было, кому встретить. Общинное военно-демократическое самоуправление, устойчивый военно-разбойный и промысловый быт, особенности культуры казаков, по мнению автора, говорят о многовековой преемственности.

Выстраивание однозначной линии от далеких предшественников казаков к их прямым предкам невозможно. Во-первых потому, что это было бы упрощением, а во-вторых, – не соответствовало бы действительности. История формирования казачества слишком сложна, чтобы быть однозначной. Пожалуй, вплоть до XV в. речь может идти только о складывании

своеобразного «предказачества» или «протоказачества». Никаких серьезных оснований для выводов о существовании в более раннее время особого казачьего «народа», как прямых и единственных этнических предков современных казаков, у нас нет³.

Судя по всему, в формировании «протоказачества» принимали участие самые различные этнические компоненты. Не подлежит уже сомнению наличие древнего славянского населения «хазарских степей и лесостепей» в X-XI вв. Данники хазар: славяне-земледельцы, а также бродники, занимавшиеся различными промыслами и перевозами, составляли, видимо, весьма значительный процент населения Хазарского Каганата. Военная и экономическая мощь Тмутараканского княжества в XI-XII вв. в значительной степени обеспечивалась славяно-русским населением. Несмотря на все исторические катастрофы (половецкий натиск, монголо-татарское нашествие, господство Золотой Орды), население это, в большинстве своем, никуда не исчезло, но приспособившись к определенным условиям, передавало свою культуру, язык, традиции, кровь последующим поколениям⁴.

После разгрома Хазарского Каганата киевским князем Святославом в 964 – 965 гг., а затем окончательно половцами в конце XI в. к славяно-русам стали тяготеть близкие им по религии и культуре хазары-христиане. Возможно, уже в XII – XIII вв. они составляли единую этноконфессиональную общность или группу близких общностей. Нет никаких серьезных оснований вычеркивать из числа казачьих предков и «черных клобуков»⁵. Они занимали ту же хозяйственно-культурную и профессиональную нишу, что и в более позднее время казаки. То есть несли военную службу по охране границ русского государства от воинственных соседей за земельное и денежное довольствие. Известно, что в XII – XIII вв. черные клобуки подверглись мощному культурному и языковому влиянию со стороны Киевской Руси, были сильно христианизированы, но однако не вполне порвали со своей старой кочевой традицией и, стало быть, не были до конца ассимилированы.

Вполне обоснованным выглядит мнение тех исследователей, которые относят к числу казачьих предков и половцев-кипчаков. Первое, что здесь надо отметить, это то, что половцы вовлекли в орбиту своей деятельности чуть ли не все предшествовавшее им в Причерноморье и донских степях население. Перенимая у кипчаков⁶ способы организации и жизнедеятельности, цивилизационные ориентиры, древние насельники восточно-европейских степей естественно сохраняли свой физический облик и, отчасти, язык и культурные особенности. Интересно, что среди западных орд кипчаков преобладали светловолосые европеиды. За соломенный цвет волос они и получили у русских название «половцы». Второе, что заслуживает внимания. Разгромив и подчинив себе древнее население восточно-европейских степей, половцы сами подверглись мощному культурно-цивилизационному воздействию со стороны покоренных народов. Серьезным было и влияние со стороны соседей-врагов – русских. По свидетельству целого ряда заслуживающих доверия источников⁷, уже к началу XIII в. половцы были непременными участниками всех крупных военных и политических событий Южной и Восточной Руси. Половецкая знать и простонародье перенимали христианство, обзаводились русскими именами (хан Юрий Котьянович, например), нередки были межнациональные браки, пленение и интеграция в свои ряды большого количества людей с обеих сторон.

Общая картина выглядит таковой. Монголо-татарское нашествие застало половецкий этнос «на распутье». С одной стороны, западно-кипчацкие орды в силу целого ряда исторических событий и политических особенностей уже сильно отличались от восточных кипчаков-куманов. Во-вторых, половцы еще не вполне «переварили» внутри себя завоеванные и подчиненные народы. В-третьих, сами подверглись мощной ассимиляции со стороны Руси. Именно население половецких орд стало основным населением улуса Джучи. Монголы, завоевавшие огромные просторы, растворились среди покоренных, переняв у них язык и культуру и передав им, в конце концов, одно из своих этнических имен – татары⁸. Население Джучиева улуса (Золотой Орды) не было и не могло быть единым. Не были вполне консолидированным этносом и численно преобладавшие в Орде половцы-татары, ставшие этническими предками едва ли не всех народов, сложившихся на территории этого государства. В таких условиях, какая-то часть половцев, видимо, к тому времени сильно славянизированная и христианизированная, вполне могла участвовать в складывании «протоказачьего» этноса. Какие конкретные исторические, политические, хозяйственные, культурные факторы привели к этому? Точный ответ пока, на наш взгляд, не возможен. Вычленение группы «казачьих предков» можно, с известной долей условности, назвать первой стадией казачьего этногенеза.

Вторая стадия, видимо, прослеживается в ордынский период (XIII – XIV вв.), когда в недрах огромного многоэтничного организма начинают формироваться первые «протоказачьи» общины молодых, часто бессемейных удальцов, обживающих самые опасные, пограничные районы государства. В целом в ордынский период наименование «казачи», по мнению автора, использовалось как профессиональное и групповое,

но этнического характера, скорее всего, еще не носило. Говорить о каком-либо более раннем этапе собственно казачьего этногенеза сейчас вряд ли обоснованно. Приводимые, в этом отношении, «доказательства» являются либо легендарными, либо наивно-топонимическими. Одним из косвенных свидетельств недалекого этнического прошлого казаков является отсутствие у них родового членения, или этнонимов более мелкого порядка, чем общее имя (как, например, у башкир)⁹.

Третья стадия казачьего этногенеза охватывает период XV – XVII вв., когда на историческую арену выходят самостоятельные общества азовских, донских и гребенских казаков. Здесь также следует отметить целый ряд важных моментов. Во-первых, существование особых казачьих обществ в XV в. уже достаточно хорошо подтверждается большим количеством источников. Во-вторых, необходимо отметить всегдашнюю немногочисленность (или даже малочисленность) этих обществ. В-третьих, их этническая принадлежность или ориентация точно невыяснены. Конфессионально это были, в большинстве своем, православные христиане, прихожане Саро-Подонской епархии. В-четвертых, неоспоримым фактом выглядит «подпитка» казачьих обществ пришлым элементом. Особенно мощным поток новопришлых оказался в XVI в. за счет беглых крестьян, мещан и холопов из Московского государства и Речи Посполитой. В-пятых, немногочисленные и разрозненные казачьи общества сумели выжить и сформироваться в условиях тотальной конфронтации со всеми соседями благодаря особой военной организации и поголовному вооружению, что стало одной из важнейших и ярчайших культурно-хозяйственных и психологических особенностей казаков. Таким образом, казачество на этой стадии выглядит как своеобразная метаэтническая общность¹⁰ в период миксации¹¹.

Четвертый этап формирования казачьего этноса связан с образованием особых казачьих войск, используемых российским государством для охраны своих границ, территориальной экспансии и как резерв хорошо подготовленной военной силы. Можно сказать, что дальнейшее формирование казачества происходит теперь в рамках Российского государства и русского этноса. Между населением казачьих войсковых областей и российской верховной властью устанавливаются особые, сначала договорные, а затем все более тесные отношения. Российское правительство планомерно превращает казачество в особое полупривилегированное военно-служилое сословие, одновременно предоставляя ему серьезные льготы и в то же время все более и более регламентируя внутреннюю жизнь казачьих войск.

Взаимоотношения сторон в рамках этого этапа складываются неоднозначно. Достаточно сказать, что все крупнейшие народные восстания (т.н. крестьянские войны) в России происходили при деятельнейшем участии казаков и под руководством их вождей: И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева. Громадна и противоречива роль казачества в период русской Смуты начала XVII в. Казачьи атаманы: шляхтич И. Заруцкий и князь Г. Трубецкой участвовали в борьбе за верховную власть. Решающим оказался голос казачьих старшин при выборах нового царя.

Все же расклад сил оказался таким, что в результате подавления упомянутых восстаний и ряда других событий (разгром Запорожской Сечи, подавления бунтов яицких казаков) казачья вольница оказалась уничтожена. Казачество было вовлечено в орбиту общероссийских и общерусских процессов, складывание казачьей «нации» практически прекратилось. Планомерная, сознательная политика российской власти (переселения, организация новых войск, регламентация их деятельности, верстание в строй общерусской жизни (развитие экономических связей, культурный обмен, использование русского литературного языка, государственная служба, совместная военная жизнь и многое другое) привели к значительному стиранию различий между частями русской нации и иссяканию процесса казачьего этногенеза.

Так постепенно сложилось *казачество*, которое (по версии историков Кубанской казачьей академии): во-первых, является культурно-исторической общностью, народом; во-вторых, служилым сословием, формируемым тем или иным правительством для своих целей; и в-третьих, административно-территориальным образованием, экономической общностью всех народов и сословий, проживающих на казачьих землях. С нашей точки зрения, опираясь на все в настоящее время известные источники, казаков можно классифицировать по следующим группам: *Вольные казаки* (их часто называют казаками в собственном смысле слова) – впервые они упомянуты в 1380 г., согласно летописи Донского монастыря, донцы участвовали в Куликовской битве. Согласно Гребенской, Антониевой летописям и преданиям, казаки Донского городка, что был повыше станицы Казанской, преподнесли великому князю Дмитрию перед Куликовской битвой образ Донской Божией матери. Казаки городков Гребни и Сиротина – образ Гребневской Божией матери и участвовали в битве. *Служилые казаки*, которые являлись частью государевых людей. Они верстались из различных сословий. Их исторические предшественники – черные клобуки. Служилые казаки делились на городовых, сторожевых, поместных, реестровых (украинские) и др. *Воровские (неорганизованные) казаки*. Шайки степных разбойников. Сами выбирали своих атаманов (Ермак, Разин, Пугачев). *“Вольное” казачество Смутного времени*. Его выделяет историк А. Станиславский¹². Они орудовали чуть ли не по всей России, в их составе преобладали недавние холопы, крестьяне, бедные дворяне. Служили то законной власти, то самозванцам. Боролись с дворянами за власть в разоренной стране. В отличие от предыдущих групп, базой их формирования были не долины рек Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Приазовья, а южные и западные районы самой России, охваченной гражданской войной.

С XVI в. известно о существовании групп служилых людей тюркского происхождения на крымско-турецкой службе. Их называли *перекопскими или азовскими казаками*¹³. С этого же времени казаки начинают постоянно использоваться в качестве иррегулярных войск в русской армии, занимая левое крыло в каждом крупном воинском соединении. Иррегулярные казачьи части имели собственное командование: голов, атаманов, сотников – и обычно использовались при наступлении. При первых

упоминаниях о казаках упоминаются также *северюки* и *разбойники-русь*. (В 1549 г. – в жалобе ногайских мурз Ивану IV). В источниках того времени встречаются также казаки: *курмыльские, темниковские, шацкие, пронские, алаторские, воронежские*. Их положение и происхождение до конца не известно, но предположительно, различно.

У историков, занимавшихся происхождением донских казаков, в течение долгого времени пользовалась популярностью версия о том, что в XV – начале XVI вв. некие *рязанские* казаки, они же *мещерские* казаки и они же *городецкие* казаки, сыграли весьма важную роль в русской колонизации Среднего и Нижнего Подонья вообще и в создании донского казачества в частности. Эту мысль высказал еще В.Н. Татищев¹⁴, в законченном виде изложил С.М. Соловьев¹⁵ и затем повторяли многие вплоть до недавнего времени¹⁶. Данную версию никто не опровергал. В новейшей литературе она повторяется редко, но не потому, что с нею кто-то не согласен, а лишь потому, что современные историки вообще считают не заслуживающими внимания ранние этапы развития казачества (не только донского). Дело в том, что они видят в развитии казачества, прежде всего, и главным образом, проявление антифеодальной борьбы крестьянства, а в соответствии с этим рассматривают историю казачества только с того момента, когда в казачьи области начинается массовое бегство крестьян из центра России и с Украины, т. е. не ранее чем со второй половины или даже с конца XVI в. Наличие каких-то более ранних групп казаков вообще не исключают, но ими мало интересуются¹⁷. Мы не отрицаем, что с середины XVI в. антифеодальная борьба действительно играла в истории всех групп казачества очень важную, в ряде случаев определяющую роль, но не считаем, что историкам не следует интересоваться ничем, кроме антифеодальной борьбы.

Рязанские казаки, мещерские казаки и городецкие казаки – это три совершенно различные группы населения, из которых ни одна не имела прямого отношения к истории донского казачества. Их отождествление между собой и с донскими казаками произошло потому, что историки понимали термин “казак” во всех случаях в каком-нибудь одном смысле, в то время как на самом деле в XV–XVI вв. термин имел несколько существенно различных значений. Не вдаемся здесь в этимологию слова “казак”, имевшего много значений в разные времена и у различных народов и, в конце концов, попавшего из тюркских языков кыпчакской группы в русский и украинский языки¹⁸. Для нас важно, что в XV – первой половине XVI вв. в юго-восточной Руси, по очень многочисленным русским источникам, которых мы не можем здесь перечислить (летописи, дипломатическая переписка и др.), слово “казак” имело в основном два значения.

Во-первых, как мы установили, казаками назывались профессиональные конные воины, приспособленные к действиям в степных условиях, лично свободные, обычно состоявшие в разбойничьих шайках или нанимавшиеся на пограничную военную службу к государствам, граничившим со степной зоной. По-видимому, они в большинстве своем не имели ни хозяйства, ни сколько-нибудь постоянного местожительства. Они не создали

никаких более организованных групп, чем разбойничьи шайки. Такие казаки были наиболее многочисленны в первой половине XVI в. на территории бывшей Большой Орды западнее Волги (восточнее Волги территории заняли заволжские ногайцы). Политический вакуум, существовавший там в течение первой половины XVI в. после разгрома войска Шейх-Ахмеда, был весьма удобен для развития паразитического бродяжничества и разбойничества. Заметим только, что политический вакуум не означал вакуума демографического, наоборот, существование разбойничавших казаков показывает, что было там и какое-то постоянное трудящееся население, за счет которого эти разбойники кормились так или иначе – путем ли просто грабежа или путем какой-то более регулярной его эксплуатации, – ибо одним грабежом купеческих и посольских караванов кормиться невозможно. Кстати, и предшествующее двадцатилетнее существование войска “Ахматовых детей” на этой территории тоже свидетельствует о том, что она была не пуста.

Не видим никаких оснований считать, что казаки – разбойники и наемники – с самого начала, еще в XV в. формировались целиком или хотя бы большей частью из беглых крестьян. Более вероятно, что их первоначальное ядро составили остатки войска Шейх-Ахмеда, которое во время своей затянувшейся агонии постепенно разбегалось, порождая группы бездомных бродяг, не имевших возможности вернуться на свои заволжские кочевья, захваченные ногайцами. Впоследствии этнический состав этих казаков был, по-видимому, весьма пестрым, но среди их военачальников, судя по некоторым известным именам, было много татар. Бродячие наемники-разбойники тяготели к некоторым городам на окраинах своего ареала, особенно к турецкому Азову и к московскому Мещерскому Городку (впоследствии Касимову), где они сбывали награбленное и приобретали оружие и боеприпасы. При Иване IV они активно участвовали в качестве наемников в завоевании московскими войсками Среднего и Нижнего Поволжья, а затем постепенно сошли со сцены, прежде всего вследствие укрепления государственной власти, а отчасти, может быть, и просто потому, что состарились и вымерли ордынские ветераны, создавшие и поддерживавшие это казачество.

Во-вторых, в этот же период или несколько раньше появились и совсем другие казаки – разновидность регулярных войск в пограничных со степью крепостях соседних государств. В Московском государстве такие казаки в дальнейшем до конца XVII в. имелись в составе “служилых людей” наряду с другими группами (стрельцами и др.). Их называли обычно городскими казаками, иногда полковыми казаками. Таковы были и все украинские казаки, кроме запорожских, и казаки на турецко-крымской службе – перекопские, азовские. Ниже мы будем условно называть всех таких казаков служилыми казаками в отличие от описанных выше неорганизованных казаков – разбойников и наемников. Служилые казаки набирались большей частью из населения тех стран, которым служили, наделялись землей на общих основаниях с другими категориями профессиональных воинов, имели постоянное местожительство и хозяйство. Неизвестно, почему две столь различные группы населения

получили одно и то же название, скорее всего, это произошло случайно, может быть, вследствие переходов отдельных лиц из одной группы в другую или даже просто из-за внешнего сходства в одежде, оружии и т. д.

В середине XVI в. название “казаки” было присвоено еще одной категории населения, которая существовала и раньше, но казаками не называлась. Это были группы населения разнообразного этнического состава за пределами официальных границ Московского и Польско-Литовского государств, имевшие развитое сельское хозяйство (хотя не всегда преимущественно земледельческое), и специфический территориально-общинный строй без феодалов, с демократическим самоуправлением и сильной военной организацией. Из таких групп, не имевших ничего общего ни с неорганизованными, ни со служилыми казаками, образовались известные объединения запорожских, донских и других подобных казаков, которые в литературе по сей день именуется просто казаками, без дополнительных эпитетов, или иногда называются вольными казаками. Это не единственный случай появления подобных казаков задолго до появления термина “казак”, например, таковы были и известные севрюки на Украине, впоследствии не сохранившие своей автономии и превратившиеся в крестьян.

Причины переноса названия “казаки” на группы подобного типа не вполне ясны. Вероятнее всего, в середине XVI в. военные формирования этих групп настолько усилились, что отдельные их отряды стали наниматься на службу, по крайней мере, для исполнения отдельных поручений, к московским и польско-литовским властям, у которых термин “казаки” ранее уже употреблялся применительно к упомянутым неорганизованным казакам-наемникам. Наниматели, интересовавшиеся лишь военными способностями этих людей, вероятно, первоначально просто не замечали, что среди наемников, ранее состоявших из профессиональных разбойников, появился качественно новый элемент – воины, имевшие где-то в глубине степей, вдали от московских и польских границ селения, хозяйство, семьи и развитую общинную организацию. Поэтому их и называли тоже казаками.

Конечно, между неорганизованными (воровскими) казаками, служилыми казаками и просто казаками (вольными, по принятой терминологии) не было непроходимой пропасти, возможны были и переходы из одной группы в другую. Например, из неорганизованных казаков, во второй половине XVI в. разбойничавших в Нижнем Поволжье, по-видимому, какая-то часть вошла в состав служилых казаков в приволжских городах, а другая часть перешла в состав донских и северокавказских казаков. Но неверно было бы считать, что какая-либо одна из трех групп развивалась из другой. Они возникли, скорее всего, независимо друг от друга, и нельзя не видеть принципиальных различий между ними. Объединение их всех под общим термином “казаки” – по мнению, например, А.А. Шенникова¹⁹, такое же историческое недоразумение, как например, характерное для той же эпохи употребление термина “черкасы”, под которым подразумевались в русской письменности и кабардинцы, и все адыгские народы, и вообще все народы Северного

Кавказа, кроме славяно- и тюркоязычных, и запорожские казаки, и все украинские казаки, и даже вообще все украинцы, кроме крайних западных.

Рязанские казаки, как и подобает регулярному, профессиональному городскому войску, не только не возглавляют колонизацию Подонья, но и не участвуют в “молодечестве” и оказываются среди рязанских военных сословий едва ли не единственной дисциплинированной группой, способной воздержаться от “самодури”. Что касается мещерских казаков и городецких казаков, которых историки отождествляют с рязанскими, а следовательно, и между собой, то ни те, ни другие не имели с ними ничего общего, а друг с другом их сближала только дислокация в одном и том же районе Мещерского городка (позже Касимова). Мещерские казаки – типичные неорганизованные казаки, базировавшиеся на Мещерский городок. Как и прочие казаки этого рода, они имели неопределенный этнический состав и нередко возглавлялись татарами. Городецкие казаки – служилые казаки, притом особые. Это было регулярное войско касимовских “царей” и “царевичей” – различных татарских ханов, по разным причинам эмигрировавших на Русь и с середины XV в. систематически служивших московским великим князьям, а затем царям. Это войско формировалось исключительно из татар, специально поселенных близ Касимова (их потомки и сейчас там живут). Они ни в каких других войсках не служили, следовательно, не входили и в состав мещерских казаков, а татары, командовавшие мещерскими казаками, были, очевидно, не касимовскими.

Уже с начала XVII в. начинается формирование группы донских, “базовых” (своих) татар, представителей тюркоязычных этносов, исповадовавших ислам. К середине XVIII в. права казачества закрепляются, после длительного военно-политического и культурного взаимодействия, за “базовыми” донскими калмыками, исповадовавшими ламаизм. При постоянных контактах с казаками названные группы не ассимилировались и сохранились вплоть до начала XX в. Часть из них неминуемо принимала христианство и вливалась в численно и политически преобладавшую славяно-русскую группу казачества. Со временем этот процесс привел к складыванию в среде донских казаков метисной прослойки, обозначавшейся в источниках XVII – XVIII вв. терминами “тума” и “болдырь”.

Усиление военно-политических, экономических и культурных контактов с Россией в XVII в., с одной стороны, оформление системы крепостного права в метрополии, с другой, вызывали активный приток славяно-русского населения в ходе дальнейшей колонизации Юга и территории Дикого Поля. Кроме того, церковная реформа патриарха Никона послужила причиной притока на казачьи земли значительного числа старообрядцев поповского толка. До XVIII в. источниками пополнения казачества в большой степени оставалась миграция, хотя с середины предшествующего столетия начался активный процесс внутреннею воспроизводства казачьего населения. В последней четверти XVII в. приближение южных границ России к Дону и взятие Азова в итоге походов Петра I активизировали колонизацию донских земель. Сюда двинулись потоки беглых крестьян и тяглых людей,

сезонных ремесленных рабочих (“наброду” по терминологии того времени).

Что касается этнического состава казачьих войск, то вот что по этому поводу пишет Б.Е. Фролов²⁰: “Разрешение принимать в казаки всех желающих свободных людей меняет облик войска. В него устремились элементы, представляющие различные сословные группы русского общества. Поступали в Черноморское войско: беспоместные или мелкопоместные украинские дворяне, торговцы, реестровые казаки Левобережья, гетманские и малороссийские казаки, донские и чугуевские²¹. Немало среди черноморских казаков встречается вышедших с “польской службы жолнер”, отставные солдаты и офицеры русской армии. В списке казаков часто встречаются “казенного ведомства поселяне”, люди “мужицкого звания” и “неизвестно какого звания”. Большое количество беглых из разных областей России крепостных крестьян, дезертиров и преступников²². Зачисляются “сверху” работники из Малой России и Польши²³.

Дополнить можно словами Ф.А. Щербины по поводу образования Черноморского казачьего войска: “В собранное разноплеменное войско вошли великорусы, поляки, литовцы, молдаване, татары, греки, немцы, евреи, болгары, сербы, албанцы, белорусы, черкесы²⁴. Факты явно подтверждают его высказывание: “Черкесский владетель Мурадин Оуглы, сделался черноморским казаком²⁵. “В феврале 1793 г. выразил желание продолжить службу в войске Черноморском бывший запорожский казак куреня Ведмедовского “Степан Моисеев сын Заводовский”, родившийся в “турецком городе Хотене в законе еврейском²⁶. В высших эшелонах черноморской старшины мы встречаем выходца из польской шляхты войскового старшину Подлесецкого. Войсковой полковник А. Высочин – русский, а другой войсковой полковник И. Юзбаша – татарин. Примечательна история хорошо известной черноморской семьи Бурносов. Основатель рода Петр Бурнос (имя которого выбито вторым на мраморной доске георгиевских кавалеров ККВ) – поляк Пинчинский. В начале XIX в. он усыновил абадзехского мальчика. Родной сын Петра Бурноса Корней взял в семью еврейского мальчика. Спустя несколько десятилетий приемный сын Петра Бурноса писал: “Василь Корнеевич Бурнос – поляк, я – черкес, Старовеличковский Бурнос – еврей²⁷”.

Ю. Аверьянов и А. Воронов различают русское казачество как этносословную группу русских и российское казачество, которое составляют этносословные группы своих народов: калмыки, буряты, татары, эвенки и др. Современное состояние казачества они определяют как субэтническую общность русского и украинского народов. *Российские казаки* в XVIII – нач. XX вв. представляли собой особое военное сословие (состояние), образованное государственной властью из представителей вольных казачьих и других сословий и национальностей. Они составляли особую сословно-территориальную общность, пользовались правами и преимуществами на условиях обязательной всеобщей воинской повинности. К ним относили также лиц казачьего происхождения – войсковых дворян, духовенство, разночинцев, торговых. *Притисные казаки* того же времени – воины невойскового сословия, служившие в казачьих частях; за особые заслуги могли

быть приняты в казаки. Иногда решением круга принимали в казаки и иногородних²⁸.

По своему положению отличались от крестьян и мещан потомки казаков тех формирований, которые к концу XVIII века утратили войсковое значение (например, *полтавские, чугуевские, бахмутские, бугские, екатеринославские, дунайские, буджакские (новороссийские), украинские, азовские, бакирско-мещерские, крымско-татарские, греческо-албанские и др.*). В различные периоды того же времени, в связи с насущными военными нуждами создавались *временные казачьи части* – иррегулярные военные формирования: Слободские-Черкасские и Малороссийский казачьи полки, Ямской казачий полк, Московский казачий полк (образован в 1812 г. графом Дмитриевым-Мамоновым из своих крепостных). Частично включались в военное сословие “инородцы”. Так, часть бурят пополнила Забайкальское казачье войско, башкиры и мишари (этнографическая группа татар) в 1798-1865 гг. составляли Башкиро-мещеряцкое войско. В казачьем сословии состояла и часть калмыков, осетин, якутов.

Примечания:

1. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т. 1. Гл. VII. С. 420.
2. С точки зрения автора казаки, безусловно, являются этнической группой.
3. См.: Мининков Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // Казаки. История. Владикавказ, 1991. С. 300 – 310.
4. См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
5. По мнению большинства ученых, это разгромленные печенегам, а затем половцами остатки более древнего, чем они тюркского кочевого населения Северного Причерноморья. (Источники позволяют восстановить такие этнические имена «черных клобуков» как берендеи, торки, ковуи, турпей.) А также отдельные роды самих печенегов и половцев, перешедшие на службу русским князьям. Летописи часто называют их «свои поганые».
6. КИПЧАКИ – тюркский кочевой народ, «половцы» русских летописей, самоназвание «куманы».
7. См.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1968.
8. См.: Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М.: Знание, 1990.
9. См.: Локшин Д. Национальная карта // Родина. 1996. № 12.
10. МЕТАЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ – группа этносов, сложившаяся в результате их этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия.
11. МИКСАЦИЯ – смешение нескольких неродственных этносов или их частей.
12. См.: Станиславский А. Казачье движение 1615 -1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 104 – 116.
13. Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3.
14. Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 267.
15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Кн. 3. С. 43, 277 – 278, 315, 694.
16. См.: *Балуев П.А.* Историческое и статистическое описание станций и городов Области Войска Донского. Новочеркасск, 1900. С. 2; *Савельев Е.П.* Средняя история казачества. Новочеркасск, 1915–1916. Ч. 2, вып. 5 – 6. С. 232; *Сахаров П.П.* Происхождение вольного Донского казачества // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 5 – 6. С. 48, 50 – 51, 56, 66 – 67, 76 – 77; *Тхоржевский С. И.* Донское войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т. 3. С. 9 – 10.
17. См.: История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов-на-Дону, 1965. С. 94 – 99; *Пронштейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 162 – 163; *Шепелев И.С.* Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе начала XVII в. в России // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 6 – 8.
18. Обзор см.: *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов “казак” и “казак” // Этнонимы. М., 1970. С. 144–148.
19. См.: Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV – XVI вв. Л.: Наука, 1987. С. 60.
20. Фролов Б.Е. У источников Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. Волгоград, 1995.
21. См. также: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп.1. Д.3. Л.1.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.112. Л.1.
23. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.142. Л.15.
24. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. С. 341.
25. ГАКК. Ф. 670. Оп.1. Д.17. Л.57.
26. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.235. Л.2.
27. ГАКК. Ф. 670. Оп.1. Д.17. Л.57.
28. Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3.